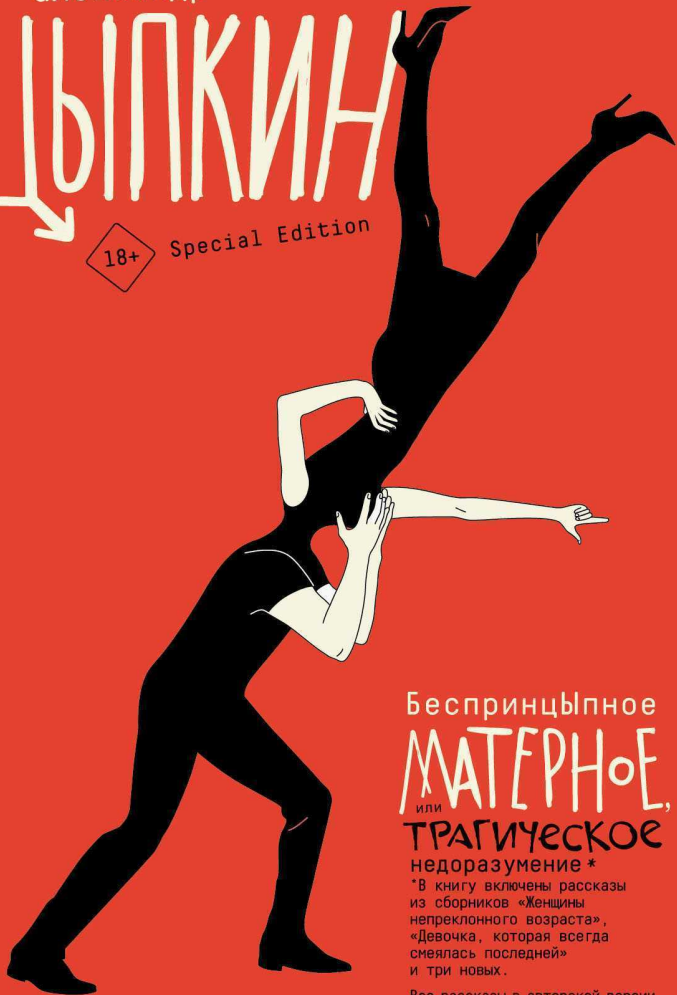

александр

ЦЫПКИН

18+

Special Edition

Беспринципное
МАТЕРНОЕ
или
ТРАГИЧЕСКОЕ
недоразумение *

*В книгу включены рассказы из сборников «Женщины непреклонного возраста», «Девочка, которая всегда смеялась последней» и три новых.

Все рассказы в авторской версии, то есть содержат мат.

Александр Евгеньевич Цыпкин
Беспринципное матерное, или
Трагическое недоразумение
Серия «Одобрено
Рунетом. Подарочное»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51838332
Трагическое недоразумение, или Беспринципное матерное:
ISBN 978-5-17-110759-8*

Аннотация

Язык, который понимают все, в любой точке планеты. Немногочисленные, очень похожие звукосочетания, которыми можно выразить любую эмоцию и почти какую угодно ситуацию. Особенно он полезен в случаях безвыходных и неосмысленных. Иногда даже самый интеллигентный человек хочет говорить именно на нем. От избытка чувств. Но надо уметь.

Рассказы Александра Цыпкина – уже знакомые вам по книгам «Девочка, которая всегда смеялась последней», «Женщины непреклонного возраста» и новые – в сверхэмоциональной версии. Ограниченным тиражом. Не просто Беспринципные, а МАТЕРНЫЕ. Во всей своей силе и красе, которые можно достигнуть только на этом уникальном языке.

Содержание

Первое отделение	8
Женщины верят лишь в то, во что хотят верить	8
Мадо	21
Этюд шиномонтажно-бордельный	40
Свадебное насилие	45
Как Ясир Арафат меня спас	52
Святой Валерий	59
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Александр Цыпкин
Трагическое
недоразумение, или
Беспринципное матерное

© Александр Цыпкин, текст, 2019

© Анна Ксенз, иллюстрации, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Александр Цыпкин – автор бестселлеров «Девочка, которая всегда смеялась последней», «Дом до свиданий», «Женщины непреклонного возраста», общим тиражом более 250 000 экземпляров.

Его рассказы по всему миру со сцены читают: Сергей Бурунов, Максим Виторган, Сергей Гармаш, Михаил Горевой, Ингеборга Дапкунайте, Виктория Исакова, Данила Козловский, Ольга Литвинова, Максим Матвеев, Анна Михалкова, Ксения Раппопорт, Пётр Семак, Евгений Стычкин, Ольга Сутулова, Виктория Толстоганова, Павел Табаков, Полина Толстун, Николай Фоменко, Константин Хабенский, Юлия Хлынина, Дмитрий Чеботарёв, Сергей Шнуров, Катерина Шпица и многие другие.

Наконец-то можно прочитать рассказы из сборников «Женщины непреклонного возраста» и «Девочка, которая всегда смеялась последней», а также новые истории в авторской, матерной версии.

Вы держите в руках особое издание. Не секрет, что я адепт использования ненормативной лексики. Я практически жрец мата. Считаю его самым честным из всего, что есть в нашей стране. Не буду вас загружать своей стандартной лекцией на тему объединительной функции обсценной лексики – если вы купили эту книжку, значит, вы, скорее всего, и сами ее используете, поэтому просто поприветствую единомышленников. Именно по просьбам близких мне по духу людей я издал матерную книгу, в которой собра-

ны изначальные версии главных рассказов сборников «Девочка, которая всегда смеялась последней» и «Женищины непреклонного возраста». А в качестве бонуса внес в это практически коллекционное издание три новых рассказа. Так что теперь у любого читателя есть выбор, какую книжку купить: пиздатую или просто хорошую.

Александр Цыпкин

Первое отделение

Женщины верят лишь в то, во что хотят верить

Славик-не-пизди (так его звали со школы) был неоднозначен во всем, кроме двух позиций. Стопроцентный коренной москвич и стопроцентный негодяй. Кстати, по первому пункту у окружающих могли возникнуть какие-то вопросы, все-таки у каждого свое определение понятия «коренной». Ряд ультрас уверены, что обе бабушки и оба дедушки должны родиться в городе, чтобы ты имел право смотреть свысока на приезжих. У Славика дедушка родился в Житомире, но уже в десять лет был перевезен в Москву (к несчастью для города, точнее, для его трогательных барышень). Иосиф Михайлович до самой смерти пил кровь из москвичек и чаще всего имел сразу несколько источников такого неоднозначного вдохновения, о чем они, то есть источники, не догадывались, так как ложь выбрала маленького Йосю в приемные дети сразу по рождению. Это свое уникальное свойство предок передал внуку, что и послужило основой второго стопроцентного качества, в котором уж точно никто не сомневался: 38-летний Славик был абсолютным негодяем.

Нет, не убийцей и не садистом. Просто у Славика не было ничего святого, и он в это свято верил. Отметим, что, когда дело касалось мужчин, в Славики срабатывал житомирский инстинкт самосохранения, особенно после двух поездок за город. В наручниках. В багажнике. С лопатой. Славик воспринял эти предупредительные туры как знак свыше и сконцентрировался в своей жажде обмана на женщинах.

В качестве примеров его легких шалостей могу привести несколько историй. Так, Славик водил любовницу к себе домой, где жил с женой Людмилой и дочерью. Он убеждал девушку, что это квартира его друга и он просто берет ключи. На вопросы, почему друг носит его одежду, отвечал, что они вместе ходят в магазин. Наличие на тумбочке своих фотографий с женой друга объяснял тем, что они очень близки с детства. Более того, один раз Славик подарил любовнице пиджак «Шанель», купленный его женой самой себе накануне. Размер у женщин был один. Славик увидел дома сиротливо стоящий пакет, заглянул внутрь и, сказав, что еще вчера его сюда занес, вручил барышне. В краже пиджака была обвинена кухарка, которая работала у них уже два года. Деньги за пиджак Славик попытался с нее вычесть, но не дождал, о чем сильно переживал. Важное дополнение. У Славика водились деньги. Большие. Да и с сексом проблем тоже не было. Обман являлся для него фетишем и искусством. И в нем он достиг серьезных высот.

Не раз Славик прикидывался онкологическим больным, у

которого завтра «химия», отчего его мужская функция угаснет навсегда, и поэтому сегодня его последний возможный секс. Какая русская женщина откажет в такой просьбе? К тому же стать у мужчины последней – это даже круче, чем первой. В двух случаях из трех Славик получал еще и крупную сумму на лечение своего заболевания. Думаете, он отказывался? И это, повторяюсь, детские шалости. Так, небольшое лукавство. Системные и комплексные разводки заслуживают отдельного повествования. Но что стоит отметить: Славику всегда верили. Даже когда его жена и любовница столкнулись в подъезде той самой квартиры. Славик их познакомил, жене сообщил, что это дочка генерала Хадякова, которая смотрела их квартиру на предмет возможной покупки, быстро ее проводил и вернулся домой. Наличие в ванной сережек дочки генерала Хадякова Славик обосновал радикально. Он начал истерить о невозможности жить в атмосфере недоверия:

– Неужели ты думаешь, я смог бы переспать с дочкой генерала Хадякова, и при этом у нас дома?!

– Ты – да, – спокойно ответила жена.

Славик заплакал и сказал, что у него все-таки хоть что-то святое осталось, а дочка генерала Хадякова вообще лесбиянка и попросилась в душ, так как пришла со свингерской лесбийской вечеринки. Жена после такого откровения вымыла всю квартиру мирамистином.

На одном из случайных дружеских собраний жена Слави-

ка столкнулась с генералом Хадяковым, который вместе со своей супругой спокойно пил шампанское. Славик всех познакомил, о чем моментально пожалел.

– Как у вашей дочери дела? Не надумала насчет квартиры? Славик сказал, она ей понравилась, – из вежливости поинтересовалась Людмила.

– У меня нет дочери, только сыновья, ну или я чего-то не знаю. – Генерал Хадяков громко усмехнулся, а вот жена генерала Хадякова – нет. Вероятно, она знала, что чего-то может не знать. Галина Петровна метнула в мужа молнию и ушла.

Славик-не-пизди оценил ситуацию и моментально придумал новую комбинацию, увел жену куда-то и прошипел:

– Ты что, дура?! Не понимаешь, что у него дочка не от жены? О ней никто не знает! Можешь меня не подставлять на ровном месте?! Это секрет!

Люда была, мягко скажем, на взводе.

– Славик, а почему ты в курсе этого секрета? Ты – последний, кому можно доверять секреты, уж прости!

Славик надел драматическую маску.

– Ладно, скажу правду... но... сама решай, что с ней делать. Мать дочки – это троюродная сестра моей мамы.

– Первый раз слышу про троюродную сестру твоей мамы! Мы женаты столько лет!

– Потому что мне можно доверять секреты, поэтому и первый раз слышишь. Представляешь, по какому краю гене-

рал ходит?!

Люда Славику не поверила, устроила скандал прямо на приеме, и они уехали домой, как и разругавшиеся Хадяковы. А потом произошло событие, от которого Славик-не-пизди окончательно уверовал в свою избранность.

Возвращаясь с мероприятия, Славик и Люда молчали.

Тут необходимо сделать лирическо-научное отступление. Люда была... ну назовем это – реалистом широких взглядов. Она всё про мужа понимала, но в ее голове существовал некий кодекс его поведения, и приводить любовниц домой кодекс категорически запрещал. Если интересно, я потом подробно остановлюсь на правилах измен, разработанных Людмилой Корчной для своего супруга, но не сейчас. Лишь скажу, что указанная выше позиция была для нее принципиальной, поэтому Славика-не-пизди ждала серьезная разборка с непредсказуемым финалом, и он об этом знал. При водителе Люда отношения не выясняла, этим и была вызвана тишина, которую разорвал звонок, как это было ни странно, генерала Хадякова. Жена увидела на экране имя и рывкнула: – Сучонок, ставь на громкую связь. Хочу послушать, что генерал тебе скажет. Твой пиздешь и по нему ударил, как я понимаю. Просто я первая в очереди тебя убить.

Выхода у Славика-не-пизди не было. Он приготовился умереть молодым.

Из динамика послышалось предельно удивительное. Нервный и испуганный голос генерала Хадякова сообщил

следующее:

– Славик! Как ты умудрился познакомиться с моей дочерью?! Про нее никто не знает, а она у тебя квартиру хочет купить! И зачем ей квартира в Москве?! Ты что, не мог меня предупредить?! Убью и тебя, и ее! Она сейчас летит в Нью-Йорк, к телефону не подходит.

Славик почувствовал, как кожа его растянулась по всему телу. Он выдохнул и загадочно произнес:

– Олег Григорьевич, это долгая история. Она вам сюрприз готовит, нашла вот меня, я молчу, как просила. При встрече расскажу вам подробно. Простите, что подвели вас с женой, ничего женщинам доверять нельзя, простите еще раз... Вот она передает вам извинения, мы вместе в машине сейчас.

Славик торжественно-укоризненно посмотрел на жену, застывшую с бутылкой воды, из которой думала сделать глоток, когда позвонил генерал. Она была со Славиком с момента скандала и видела, что он никому не звонил и не писал.

Он и правда не просил генерала ему подыграть. Славик-не-пизди просто inferнально повезло. Он выстрелил в небо и попал в главную утку. У генерала Хадякова действительно была дочка, о которой жена генерала Хадякова не знала, как и практически никто. Жила она за границей и существование никому не портила, иногда приезжала.

Закончив разговор, всё еще не веривший в чудесное избавление от смертной казни Славик решил использовать ситуацию по-максимуму. Он вбивал в жену комплекс вины, как

Петр Первый свай в Заячий остров. Навсегда.

– Знаешь, что самое неприятное? Не то, что ты мне не веришь, а то, что ты считаешь меня способным на такую низость. Я не святой, ты знаешь, но какие-то понятия у меня еще остались. Наш дом, наш с тобой...

Славик стал подбирать слово.

– ...наш с тобой храм любви.

Славика на радостях понесло, но остановиться он уже не мог.

– Прости за громкие слова. Он неприкосновенен. Я никогда не приводил и не приведу в него другую.

Непробиваемая Люда получила торпеду ниже ватерлинии. Чуть ли не впервые за долгие годы семейной жизни.

– Ну прости, Славушка... Ну я же знаю, что ты... ну... можешь устроить... Прости, правда, забыла, что ты глубоко внутри очень порядочный человек.

В тот же вечер Славик позвонил генералу Хадякову и всё рассказал. Повинился.

– Слава, ну ты хоть бы предупредил! Мне-то что теперь жене сказать?! Она и так подозревала...

– Дайте ей трубку.

– Зачем?

– Я всё улажу. Просто доверьтесь.

Генерал спорить не стал.

– Слава, я не хочу с вами разговаривать!

– Галина Петровна, выслушайте! У меня не было выхо-

да... Это моя дочь. Людмила не знает. Это было еще до нее, я узнал, только когда мы поженились, а у нас тогда ребенок не получался, и я решил ее не травмировать... Скрыл, но всю жизнь поддерживал, вот захотел дом свой показать, и Люда пришла... случайно! Я берегу ее чувства, я не знал, что делать. Пришлось импровизировать. Хотел вас предупредить и не успел... Простите, я так виноват, так виноват...

Как это часто бывает, оценка моральности поступка мужчины для женщины зависит только от одного. Ее ли это мужчина или нет. Галина Петровна Люду не очень любила за молодость и красоту, поэтому сразу же приняла сторону Славика. Славик, как всегда, всё рассчитал верно.

– Славочка, ну что же вы не сказали... Я бы вас, конечно, поддержала! Вы очень благородный человек, чувствительный. Не переживайте, спокойно скажите жене, что... Ну придумайте, что сказать. Я все подтверждаю.

– Спасибо вам большое! Я знал, что вы меня поддержите! Верил в вас! Еще раз простите. И все-таки вопрос... А как мне быть, если я Люде не признаюсь? Она же будет думать, что муж вас обманывает.... что у него ребенок.

– Пусть думает, что хочет, я-то правду знаю, и мне твое спокойствие дороже. Потом когда-нибудь всё выяснится, тогда и скажу, что знала. Не переживай. Скажи, что для меня это не секрет, просто я разъярилась оттого, что кто-то еще узнал. Передаю трубку Олегу. До встречи! Привет дочери. Если что, всегда можете на нас рассчитывать, мы о ней по-

заботимся. Сколько ей?

Славик как-то не подумал о потенциальной очной ставке и что Люда видела «дочку», которой в реальности было двадцать шесть, но делать было нечего, он назвал максимально возможную цифру.

– Девятнадцать.

– Совсем еще юная. Приходите в гости. Или можете нашей дачей распоряжаться. Нам можно доверять тайны. Люда ничего не узнает. Я понимаю, как вам с ней иногда тяжело.

Славик подумал, что в случае чего на дачу к Хадяковым он может приезжать с разными дочками. Галина Петровна, очевидно, имела на Люду зуб мудрости и также, очевидно, будет рада любому удару по ее самооценке, даже тайному. Славик всегда ценил женщин именно за любовь к себе подобным. Это был неиссякаемый источник для его комбинаций. В будущем Славик не раз ездил на дачу к Хадяковым. Жене он говорил, что едет с генералом на разговор, и Галина Петровна версию всячески поддерживала. Звал на «инцестную дачу» Славик и генерала, но тот сказал, что честь офицера не позволяет ТАК обманывать жену. Но вернемся к тому разговору.

Трубку у жены взял генерал Хадяков и предусмотрительно вышел в другую комнату. Генерал пребывал в состоянии абсолютного восхищения и изумления.

– Слава, можешь мне не объяснять. Я всё понял. Я даже говорить ничего не буду. Эх, на войну бы тебя... в разведку.

Такой талант пропадает. Ну приходи с «дочкой». Покажешь хоть. И кстати, Люде-то ты что скажешь?

– Ну, как вы понимаете, из-за того звонка Люда про вашу дочку знает от вас...

– Да понимаю уж... Но она спросит, что ты сказал Гале.

– Это уже легче. Скажу то же самое, что Галине Петровне, но только добавлю, что на самом деле это неправда, что пришлось импровизировать и дать вашей жене версию, в которую она поверит. Попрошу поддержать легенду ради вас. Это же Люда язык за зубами держать не умеет, пусть теперь отрабатывает. А вы Галину Петровну попросите никогда эту тему при Люде не поднимать. Как будто нет ее.

– То есть она будет думать, что у меня дочь есть.

– Да.

– Но что Галя про это не знает и думает, что это твоя дочь.

– Да.

– Про которую не знает Люда.

– Именно.

Олег Григорьевич взял паузу и с опаской поинтересовался:

– Слава, а ты в Бога веришь?

Сам силовик верил во что-то среднее между Лениным, Путиным и Николаем-угодником, но этот вопрос он задал с максимальной серьезностью. Славик ответил моментально:

– Олег Григорьевич, главное, чтобы Он в меня верил.

– Разумно.

Переведа дух, генерал решил уточнить ряд деталей:

– Слава, а почему ты не думаешь, что однажды Люда и Галья поговорят по душам? И вся конструкция рухнет, уж поверь, я тебя не спасу. Вместе на дно пойдём.

– Знаю! Но не рухнет. Женщины верят лишь в то, во что хотят верить. И никогда не будут искать доказательства обратного. Уверяю вас, они будут смотреть друг на друга в полной уверенности, что знают правду, но не обмолвятся ни словом.

– Славик, может, все-таки в разведку?

–хлопотно и платят мало.

– Это точно. Ладно, комбинатор, держись!

Славик был прав. Люде его версия очень понравилась, и она вступила в сговор.

– Ну и хорошо, что ты Галине Петровне всё так объяснил, думаю, она «порадовалась» за меня. Я чувствую, как она меня на самом деле терпеть не может. Сейчас будет смотреть на меня и думать о своей тайне, которую только она знает, а я буду знать, что это она дура. И то радость. Ну ничего, пройдет несколько лет, всё забудется, и тут я объявлю, что знала всё давно. А генералу передай: если что, он всегда в наш дом с дочкой велкам, хороший он мужик, всю жизнь эту грымзу терпит.

Славик-не-пизди восхитился в третий раз:

– Хорошо, передам! Только я тебя прошу, при встрече с Галиной Петровной тему дочки вообще не поднимай, как

будто нет ее. Я тебя очень прошу!

– Конечно!

Славик начал расслаблять все напряженные органы – и вдруг Люда вернула в матч интригу:

– Славочка, а у меня вот неожиданный вопрос, на который я тебя попрошу ответить честно.

Славик-не-пизди забыл, когда он отвечал честно, и даже сначала не очень понял, что это значит. Просто промолчал.

– Вот ответ. Ты бы мне сказал, если бы у тебя реально дочка была? В смысле, если бы она родилась в момент нашего брака?

Славик автоматически начал искать скрытые подтексты и ловушки, поэтому отвечал с некоторыми паузами:

– Мне сложно тебе врать в таких серьезных вопросах... Я и в мелочах-то стараюсь...

– Славик! Не пизди!

– Сказал бы! Чего с таким грузом жить.

Невеликий комбинатор так устал от этого похода по огненному канату, что немного потерялся и неожиданно вернул жене вопрос:

– А ты бы сказала?

Люда внимательно посмотрела на мужа и улыбнулась:

– Славик, ты, конечно, у меня тупица непроходимый. Сложно родить ребенка, чтобы муж не заметил. Хотя, зная твою рассеянность... Пойдем ужинать, поднимем бокал за генерала Хадякова. Слушай, а генерал хоть в курсе, что она

лесбиянка и по притонам шляется?

Славик понял, что врать больше не может:

– Да хрен их там всех знает, если честно. Не семья, а содом с гомморой.

Мадо

Степа прибыл в Перу с одной целью.

Кокаин.

Маме и жене Любе он, разумеется, сообщил, что хочет наконец вылечить астму, а в Перу – горы, разреженный воздух и прочие блага. Начальника Степа убедил в необходимости дать ему новый проект для повышения мотивации и получения опыта раскрытия закрытых чакр. Начальник плотно сидел на эзотерической ереси и во второе активно поверил. На его беду у конторы и правда имелись интересы в Латинской Америке. Таким образом под Новый год Степа оказался в Лиме. С ним прилетели еще трое оболтусов: один из его конторы, двое за компанию. Цель была одна. Попробовать.

Тридцатилетние хорошие мальчики хотят наконец попробовать, каково это – быть плохими, и это прекрасное начало верного и иногда очень трагического конца. Лучше бы им мамы объяснили, что логично идти от плохого к хорошему, а не наоборот. Но...

Друзья приехали, кое-как отработали, и наконец настал день, когда они могли осуществить свой план: пуститься во все тяжкие (в их понимании этого слова), то есть купить где-нибудь порошок и, забаррикадившись в одном из гостиничных номеров, что-нибудь с ним сделать. Что именно, они знали только по фильмам. Оттуда же они знали про нарко-

мафию, которая убивает всех и всегда. Просто ради жажды смерти. Редкие живые граждане латиноамериканских стран пребывали в постоянном ужасе.

С одним из таких Степа сдружился. Его звали Карлос.

Субтильный субъект лет двадцати пяти, исполнявший роль гида, переводчика, водителя, носильщика и шерпа. Карлос был... ну вот нет другого слова: распиздяй. Эталонный. Классический. Его спасала только доброта. Надо отметить – исключительная. А еще Карлос иногда заикался, очень этого стеснялся и поэтому выглядел особенно трогательно. Степа любил добрых людей и верил им. Когда встал вопрос, где взять кокаин, друзья перевели стрелку на Степу.

– Степ, ну ты сам это замутил, решай теперь. Говорят, здесь у любого можно купить.

Степа с презрением всезнающего прохладно заметил:

– Здесь и ствол у любого. Тут так можно влипнуть... Туристов пасут, потом подставляют и сажают. Выходят за выкуп. За меня Люба платить не будет. Скорее, заплатит, чтобы не выпустили. Надо найти надежного человека.

Друзья ожидаемо поинтересовались:

– У тебя есть?

Надежных людей в жизни Степы в принципе не было. Люба и родители не в счет. Надежные люди опасались, что Степа их заразит своей абсолютной ненадежностью. Тем не менее Степа лаконично взял новую высоту:

– Есть. Один.

Разговор с Карлосом шел лично, в лобби отеля, но по зашифрованному Степой каналу:

– Карлос... у меня вопрос. Я хочу купить то, за чем сюда все едут.

Карлос завис:

– А з-за чем сюда в-все едут?

Карлос в сравнении с раздувшим брутальность Степой казался Малышом из «Карлсона». Степа даже усмехнулся:

– Ну как – «за чем»?.. За продукцией господина Эскобара, царствие ему небесное.

Малыш изумился:

– Ты сейчас с-серьезно?

– Мы в России шутить не привыкли.

Степа стал похож на Дона Корлеоне. Важная деталь: в России он торговал шоколадками. Но предчувствие кокаина творит чудеса. Голос Степы был похож на звук летящего МиГ-29:

– Ты сможешь достать? У вас здесь в разы дешевле и качественнее, чем у нас.

Карлос замолчал, прикусил верхнюю губу и вдруг выпалил:

– Смогу... А много?

Степа глянул по сторонам и пальцами показал пять:

– Поэтому и не хотим на улице брать, а только у своих. Если ты поможешь, я буду тебе очень благодарен.

Карлос задумался, пересчитал пальцы Степы, выдохнул и

как-то тревожно то ли согласился, то ли предупредил:

– Хорошо... Я отвезу тебя, но если что-то пойдет не так, то... всем п-пиздец. Понимаешь?

– Конечно. Я всё понимаю. Давно живу. Кое-что видел. Даю слово, что всё будет четко. И никто не узнает. Приехали, купили, уехали.

Степа был исключительно конкретен.

Вечером Карлос заехал за Степой. Тот был с объемной сумкой. Карлос вопросительно-утвердительно взглянул. Степа с улыбкой пояснил:

– Куплю фруктов по дороге назад.

Карлос понимающе кивнул:

– Это за городом. Ехать час.

– Не вопрос. Ты «хвост» проверил? – Степа из роли выплыть не мог.

– К-кого?

– Ну мало ли – за нами следят. Могли разговор подслушать.

– Вроде н-никого не было. Деньги т-ты взял же? – Перуанец кивнул в сторону сумки.

– Конечно. – Степа продолжал в этот момент смотреть в окно в поисках «хвоста».

Отчаянные парни выехали из города и двинули по ночной, практически сельской дороге.

– Мы едем к М-мадо. Он из индейцев. Человек н-немногословный. Говори ему п-п-правду.

Карлос обнаружил первые признаки страха. Степа их тут же удвоил и понял, что вот она – проверка на мужественность. И на честность.

Они зашли в странный дом. Огромная комната, «лампочка Ильича», стол. На нем кокаин: горы кокаина. Россыпью и в упаковках всех возможных форм. За столом Мадо.

Ему было далеко за пятьдесят. Грузноватый, но исключительно мощный. Медвежьи ладони тем не менее казались чуть ли не женскими, что-то в них было заботливое. А вот глаза... Они выжигали всё, на что смотрели. Мадо встал из-за стола и неумолимо пригвоздил Степу к месту одним взглядом. Он говорил очень медленно и начал со штампа, напомнив Степе плохое кино.

– Ну здравствуй, гринго.

– Здравствуйте. Спасибо, что...

Степа не понимал, за что сказать «спасибо», но так учили.

– Очень рад знакомству.

– Почему?

Мадо говорил на ломаном английском, но он был понятен любому живому существу. В его речи не было ни единого лишнего суффикса, не то что слова. Звуки вылезали из горла медленно и беспощадно. Степу как будто обвивала анаконда. Ему даже стало тяжело дышать. Он подумал, что может и приступ хватить на нервной почве, хорошо, что ингалятор был с ним. А Мадо продолжал:

– Не надо быть вежливым. Ответь на вопрос. Как ты пе-

ревеешь кокаин в Россию? По какому каналу?

Степа сглотнул, в горле пересохло, он продребезжал:

– Я не собираюсь везти его в Россию. Вы что! Зачем?

– А что ты с ним будешь делать?

– Мы хотели с друзьями хорошо п-провести время. – Посмотрев на Карлоса, Степа сам стал заикаться.

– И сколько у тебя друзей? – В змеиных глазах Мадо сверкнуло что-то человеческое.

– Трое.

– И как долго вы собираетесь хорошо проводить время?

– Пару дней до отъезда.

Мадо подошел ближе. Голос стал ртутным.

Степа почувствовал, что сейчас кислород перестанет входить в легкие.

– Тебя предупреждали, что за ложь я делаю людям очень больно?

Степе стало очень больно даже от тембра голоса. Он процедил:

– Да. Я сказал правду.

– Правду? А ты ведь познакомишь меня со своими друзьями?

– Конечно, только зачем.

В голосе Мадо звучали ирония, азарт и угроза.

– Я хочу посмотреть на людей, которым нужно на троих на пару дней, – он взял паузу, – пять килограммов кокаина.

Степа мгновенно взмок. С обреченностью в голосе он как

будто сознался, а не ответил:

– Мне нужно пять граммов. Мне не нужно пять килограммов.

Мадо посмотрел на стол, заваленный кокаином, и на Карлоса. Тот стал настолько бледным, насколько позволяла его латиноамериканская кожа. Его нижняя челюсть медленно отвисала.

– Пять граммов... Как интересно. А Карлос про это знал? Что ты ему сказал? Подумай хорошо. Вспомни. От этого многое зависит в твоей жизни и в жизни Карлоса.

Степа вспомнил и по слогам произнес:

– Он спросил, много ли мне нужно, я показал пять пальцев. Мы друг друга не поняли.

– Как часто люди друг друга не понимают...

Степа увидел, как по лбу Карлоса ползет объемная капля пота.

– Карлос, это правда?

Он кивнул.

– Ну что ж, гринго. Иди. Тебя отвезут так, чтобы ты нас потом не нашел, ну а дальше пешком. Возьми палку, столько плохих людей ночью ходит...

– А Карлос? – с тревогой спросил Степа. Мадо равнодушно ответил:

– А Карлос всё. Ты его больше никогда не увидишь. Мне кажется, ему пора поговорить с духами.

Карлос опустил голову и задрожал. Степа вышел. Его

крепко взяли под руки и повели к машине. И вдруг он начал задыхаться. Настоящий мощный приступ. Последний раз такое было пару лет назад. Он захрипел и начал искать в карманах ингалятор.

Степа всегда носил его с собой, но руки не слушались, воздух заканчивался, он кое-как глотнул ночной прохлады, неожиданно нащупал спасительный пластик, чуть не проглотил баллончик и рухнул на землю. Кислород. Кислород. Степа тонул в нем,пил его всем телом, приходил в себя, оживал – и вдруг острая боль. Карлос! Возможно, прямо сейчас Карлоса убивали. Из-за него, из-за его идиотизма. Степа представил, как Мадо сворачивает тонюсенькую шею мальчишки Карлоса, и понял, что либо сейчас, либо никогда.

Степа был трусом. Всё детство его били в школе. Он заперся в туалете и плакал. От этого его били еще больше. Почти каждый день. Годами он жил в страхе. В итоге Степа стал бояться абсолютно всего... но иногда жизнь не оставляет выбора. Степа оттолкнул обоих бандитов, рванул в дом, выбил дверь ногой, влетел в комнату Мадо и заорал:

– Стойте!

Индеец держал Карлоса за шею и что-то шипел на испанском. Увидев Степу, он удивленно, но очень спокойно спросил:

– Чего тебе, гринго?

– Я куплю пять килограммов! – выпалил Степа первое, что пришло в голову.

Мадо отпустил Карлоса и с холодным любопытством посмотрел на Степу:

– У тебя есть деньги?

– Сколько это стоит?

– Шестьдесят тысяч долларов. У тебя они с собой?

Степа осунулся, но не сдавался:

– Нет, таких денег у меня нет... Я с вашим человеком поеду в город, сниму с карты всё, что есть, там, там... ну... тысяч восемь. Остальное найду в течение трех дней, пока оставлю у вас паспорт, а товар вообще не буду забирать. Вы ничем не рискуете!

– Что значит – не будешь забирать?

– Мне не нужно столько, просто, пожалуйста, не убивайте Карлоса. Он не виноват. Если я куплю пять килограммов, вы его отпустите? Ну пожалуйста! Это моя ошибка, моя!

– А если ты не найдешь эти деньги, что тогда?

Степа начал ощущать какой-то животный страх, но справился даже с ним, хотя говорил всё менее и менее уверенно:

– Тогда я останусь и буду здесь, пока их не пришлют из России...

Мадо же сжал тиски на максимум и задал вопрос в лоб:

– А если их не пришлют?

Степа понимал, что их могут не прислать, просто не успеть, или не собрать, или черт знает что еще может случиться. Карлос попытался что-то сказать Мадо на испанском, но тот очень резко оборвал его. Карлос затих. Мадо

превратился в каток, ползущий прямо на Степу:

– Гринго, что будет, если их не пришлют?

Степа молчал. Но вот что странно. С каждой секундой страха было всё меньше. Из глубины детских переживаний наконец проросли отвага и отчаянность:

– Когда не пришлют, тогда и решим, но я не уеду без Карлоса!

На этой фразе отвага закончилась, и Степа ужаснулся всему сказанному. Он даже подумывал сбежать. Но индеец вдруг подобрел, подошел ближе и сказал скорее Карлосу:

– Гринго, я долго жил, я знаю ответы на все вопросы, а вот на этот не знаю... Скажи мне... а почему... почему Карлоса все любят? Почему?! Мои родители, мои дети, моя сестра, она вышла за него замуж. Даже я его люблю. Но это можно объяснить. Семья. Но ты? Вот ты почему?! Ты рисковал жизнью ради этого неудачника?!

Степа как будто не понял и озадаченно спросил:

– Простите... Он ваш родственник?!

– К несчастью, да!

– И вы всё равно собирались его убить?!

Наконец Мадо вспылил. А последний раз с ним такое было до рождения Карлоса и Степы.

– С чего ты взял, что я хотел его убить?! Я редко убиваю людей, и только если они у меня воруют, но нельзя убивать человека, если духи украли у него разум.

Глаза Степы выражали высшую степень озадаченности.

– А почему бы я его больше не увидел?

Мадо взорвался.

– А зачем?! Он бы посидел здесь до твоего отъезда. Мало ли что еще вы, идиоты, придумаете. Убить Карлоса! Гринго, ты слишком много смотрел кино. Но ты меня удивил. По-настоящему. Скажи, почему ты решил спасти Карлоса? – Мадо вновь стал похож на удава, но теперь на доброго и озадаченного.

Степа ответил со слезами в голосе:

– Я не смог бы жить, если бы Карлоса убили из-за меня.

И вдруг Степа осмелился сам задать вопрос:

– А разве вы бы бросили друга?

Мадо не ответил. Он не любил сослагательное наклонение. Индеец долго изучал Степино лицо. Степе показалось, что на него смотрят тысячи глаз одновременно и видят его насквозь. И вдруг Мадо сказал то, что Степа мечтал услышать всю жизнь:

– А ты хороший человек, гринго. Постарайся не стать плохим.

Степино сердце сжалось и лопнуло. Он всегда сомневался именно в этом, самом важном для человека критерии. Поэтому он с какой-то болью и недоверием спросил:

– А откуда... откуда вы знаете, что я хороший человек? Я же трус... и дурак.

– Я не знаю, я вижу. – Мадо вернулся за стол и продолжил: – И ты не трус, а вот насчет дурака соглашусь. Гринго,

а скажи, ты когда-нибудь пробовал кокаин?

– Нет, хотел вот...

– Зачем?

– Ну это же... ну это как в Россию приехать и не попробовать водку с икрой.

– Что такое икра?

Степа, как мог, объяснил. Мадо был всё так же тягуч.

– А-а-а-а, слышал. Это вкусно?

– Очень.

– А от нее можно умереть?

– Нет, конечно!

– А от кокаина ты умрешь. Все рано или поздно умирают.

Сначала становятся плохими людьми, рушат жизни всех, кто им дорог, а потом умирают. Молчишь? Думаешь, почему я им торгую? Нечем больше. У нас было золото, но его украли испанцы. У нас нет ничего другого. Плохо, но что делать.

– Я вас не осуждаю...

Степа понял, что хочет обязательно еще раз увидеть Мадо. Потому что у индейца были ответы на все вопросы, которые так мучили Степу всю жизнь. Он опять превратился в мальчика и задорно предложил:

– Слушайте, а приезжайте к нам в Россию! Я куплю вам пять килограммов черной икры.

– Спасибо, гринго, но боюсь... – Мадо грустно улыбнулся. – Боюсь, не получится. У меня мало времени осталось.

– Вы болеете?

– Нет, просто мое время на исходе.

– Откуда вы знаете?

– Я не знаю, я вижу. Так что приезжай ты. Я познакомлю тебя с духами. Мне кажется, тебе есть смысл с ними поговорить, позадавать вопросы. Может, ты наконец согласишься в то, что ты хороший человек. Мне же ты не веришь.

Степа ощутил укол куда-то в болезненное. Он слышал о том, как в Латинской Америке разговаривают с духами, поэтому озадачился:

– С духами поговорить... Вы же против наркотиков?

– Ты не путай вот это белое дерьмо, – Мадо посмотрел на пакеты с порошком, – и разговоры с духами. Приедешь?

– Приеду. Обязательно.

– Это хорошо. Карлос сейчас тебя отвезет, я с ним завтра поговорю, мне кажется, он может от тебя кое-чему научиться. И когда придет его время выбирать, каким человеком стать, плохим или хорошим, он вспомнит тебя, и, может, ты ему поможешь, может, он тебя послушает, и мне кажется, это случится очень скоро. – Мадо погрузился, а потом жестко бросил Карлосу:

– Карлос, ты меня услышал?

Тот кивнул.

По дороге назад они молчали. Когда прощались, Карлос обнял Степу:

– С-с-с-с-пасибо, Степа. Я это н-н-никогда-к-к-к... – Карлос взял лист бумаги, написал «я этого никогда не забуду»

и отвернулся.

Степа часто вспоминал Мадо, иногда звонил Карлосу, передавал Мадо привет, но приехать пока не получалось. Степа, конечно, рассказал Любе всё в деталях. Особенно про хорошего человека. Он был так счастлив от этой простой оценки, а Люба... Люба, как ему показалось, ничего не поняла. Особенно про хорошего человека. Так бывает, когда близкий вдруг не понимает чего-то очень важного. Он от этого не становится менее близким, просто иногда нужно подождать. Когда-нибудь обязательно поймет. Ну или ты наконец поймешь, что ошибся.

В тот момент Люба сказала, что Степа идиот и что если бы ему реально пришлось отдать несуществующие у них 60 000 долларов, то она бы с ним развелась просто из чувства самосохранения. Так что ехать снова в Перу Степа не спешил. Просто часто думал о Мадо. Индеец стал для него кем-то вроде смеси Деда Мороза и Конфуция. Степа часто представлял себе их встречу, как он будет трясти объемную ладонь Мадо, обнимет его, а потом они начнут есть черную икру и разговаривать с духами, и духи подтвердят Степе всё, что ему до этого говорил Мадо. В принципе духов он представлял такими же, как Мадо, только из дыма. А однажды ему приснился сон. Мадо приехал в Россию, почему-то в одежде команчей из советских фильмов. Они пьют водку, закусывая икрой из бочки, Мадо принимает гостей, смот-

рит всем в глаза и выносит вердикт. Хороших людей очень мало... А потом их всех вместе почему-то приглашают на закрытие Олимпиады-80, хотя Степа родился в 82-м. Они смотрят соревнования, организаторы выпускают олимпийского медведя в небо, и Мадо в изумлении спрашивает:

– Интересно, с какими духами общаются люди, видевшие таких странных медведей?..

Проснувшись, Степа решил набрать Карлоса, чтобы рассказать о сне и передать привет Мадо.

– Карлос, привет! Как у вас дела?

– Привет. Плохо.

Голос был таким холодным и бесчувственным, что Степа сразу всё понял.

– Карлос... Мадо? Он жив?! С ним всё в порядке?!

– Нет. Мадо убили, – спокойно и без всякого заикания произнес Карлос.

Ком в горле, как опухоль, занял всё пространство. Убили Мадо... Степа пытался найти какую-то справедливость и хрипло спросил:

– Из-за наркотиков?

– Нет. Просто так.

– Что значит – «просто так»?!

– Просто так – значит просто так. Он поехал в соседний городок, повздорил на улице с двумя отморозками, и его забили палками прямо на улице. – Карлос как будто зачитал протокол опознания.

Степа вдруг ощутил внутри что-то новое. Это чувство его раньше не посещало никогда, а сейчас как волной заливало все его внутренности, уничтожив даже боль. Ненависть. Безграничная, абсолютная, всепоглощающая ненависть. Он знал, что разорвет руками убийц Мадо... Степа тихо, но яростно просипел:

– Их поймали?

– На следующий же день.

– Вы же не отдали их полиции?

– Нет, мы сами разобрались, – с жутким, еле слышимым смешком ответил Карлос.

В этот момент Степа ощутил во рту сладкий вкус. Он знал, что ответ на следующий вопрос сделает его счастливым. И чем более бесчеловечным он будет, тем сильнее будет счастье.

– Расскажи, расскажи, как вы их убили?

Степа произнес это с таким упоением, что ему самому на мгновение стало страшно.

– Степа, ты уверен, что хочешь это знать? – Карлос стал другим человеком: беспощадным, жестоким и неумолимым. Научился ненавидеть и убивать. Трогательный, добрый Карлос из прошлой жизни умер вместе с Мадо и теми двумя, точнее, именно с теми двумя. Но новый Карлос Степе нравился гораздо больше. Он захотел стать таким же. Он со школы хотел быть именно таким. Он их всех помнил. Всех. По именам...

– Говори. Говори!!!

– Мы их не стали убивать. Просто похоронили рядом с Мадо. Пригласили их родителей на похороны... ну чтобы могли попрощаться как полагается. Приготовили им удобные гробы. Даже подушки дали. И еще кое-что в дорогу, чтобы не скучали. – Опять этот дьявольский смешок.

Опьяненный Степа перебил Карлоса:

– Кокаин?!

– Нет. Слишком просто.

Пауза. У Степы от ожидания свело мышцы на ногах.

– Что?! Говори, что вы им положили в гроб?

Вдруг он понял что. Это же так просто, как можно не догадаться?

– Стой, я знаю! Я знаю.

– Что?

Степа никогда не ощущал такого вожделения и одержимости. Он успокоил дыхание и четко произнес:

– Кислород.

– Угадал, – с демонической жесткостью ответил Карлос. – Ты же знаешь, что это такое – задыхаться. Да. Я положил им кислород.

От чувства абсолютного, безграничного, всепоглощающего счастья Степа даже перестал дышать, а когда решил вдохнуть, то не смог.

Приступ. Астма.

Степа стал рвать легкие, но ничего не получалось, он лишь слышал эхо беспощадного голоса нового Карлоса: «Кислород... кислород... кислород...»

Сердце бешено стучало, причудился Мадо, его дом; Мадо был печален. Один вздох с трудом. «Ингалятор?! Блять!!! Ингалятор!!!» Он остался в машине. Другого в квартире родителей не было. Люба только что уехала, «скорая» не успеет. Ноги не двигались. Степа понял, что сейчас всё закончится. Какая ирония. Карлос недавно заставил умереть от удущья своих врагов, а теперь задыхается его друг. Степа уплывал, в наушнике теплился голос Карлоса:

– Так что у ребят было время подумать. А я сидел и слушал. Мы их закопали не так глубоко. Два часа. Это лучшее, что я слышал в жизни. Лучшее! Понимаешь?

У Степы стало темнеть в глазах. А Карлос продолжал:

– Вот так вот. Приезжай, Степа, сходим на могилу к Мадо. Он, кстати, оставил тебе талисман, вырезал совсем недавно, говорит, для твоего разговора с духами. Необычная вещица, какой-то странный медведь, что ли. Он сказал, ты узнаешь. Степа? Степа? Ты здесь?

Медведь... Из глаз Степы брызнул поток, он начал всё смывать, абсолютно всё. Ненависть и мысли о мести унеслись прочь, как дома во время цунами. Мадо стоял у выхода из своей комнаты в какой-то сад. Степа захотел туда, сделал шаг, но Мадо покачал головой, сказал «рано» и закрыл перед ним дверь. Степа стал в нее ломиться, и вдруг какая-то

сила рванула его назад.

Мощнейшая оплеуха заставила хрипящего Степу очнуться. Над ним с ингалятором в руке стояла Люба. Кто-то проколол колесо ее машины, и она вернулась. В Любиной сумке всегда был ингалятор для Степы. Она знала, что когда-нибудь он понадобится.

На следующий день Степа улетел в Перу, возвращать прежнего Карлоса, пока не стало совсем поздно.

В этом его убедила Люба, которая лишь спросила, точно ли Степа хороший человек, и если да, то какого хрена он еще не летит спасать друга. Ведь его именно об этом и просил Мадо.

Да, чуть не забыл. Пока Степа летел, Люба на всякий случай перевела с общих счетов все деньги. Ну, от греха.

Этюд шиномонтажно-бордельный

Проезжая мимо шиномонтажа, подумал, что «развал – схождение» – отличный девиз для семейного психоаналитика.

Еще один забавный факт о борделях. Организаторы древнейшего промысла чрезвычайно заботливые люди и всегда пеклись о семейных скрепах. Своим клиентам они вручали визитки с асексуальной надписью «Шиномонтаж».

Расчет верный. Такая визитка, лежащая в портмоне, подозрений не вызывает.

Я рассказал об этом чудесном маркетинговом ходе своей девушке и забыл. Оказалось, она не забыла.

Прошла пара месяцев, наступил июнь, и я традиционно задумался о смене зимней резины на летнюю. Поехал в «Шиномонтаж», всё сделали быстро и дешево.

Я взял карточку с адресом и кинул ее на столик в прихожей, где аккуратно валялись все ВАЖНЫЕ документы. Еще через несколько дней моя девушка в каком-то обычном вечернем разговоре уведомляет меня:

– Прости, не спросила разрешения, но визитку твоего борделя я отдала приятелю – ему иностранцев выгулять нужно.

Я чуть не подавился:

– Какого борделя?

– Ну у тебя лежала визитка «Шиномонтажа», я решила, что это с той журналистской истории.

– Вообще-то это реальный «Шиномонтаж»... – сказал я со смешанными чувствами легкой обиды и облегчения.

– Да? А предупредить нельзя было?! Сейчас туда двух итальянцев приведут! Надо срочно звонить Андрею!

– Не звони, – в моих глазах сверкнул адский азарт.

– Ну ты и скотина... – ответила с улыбкой виновница торжества.

Спать мы не могли и, словно школьники в ожидании взрыва бомбочки, прожигали глазами телефон.

В 1:30 пришла СМС: «Тебе пиздец».

Ну, а теперь история словами сластолюбца Андрея:

Все шло по обычной схеме для иностранцев половозрелого возраста, попадающих в Россию:

18:00. «Мы поужинаем, и спать».

21:00. «А может, сходим в хороший стрип-бар, просто посмотрим».

23:00. «Почему в „Максимусе“ это стоит 1000 долларов?! Есть ли где-нибудь дешевле?»

23:01. Андрей, отчаянно желавший выслужиться и выглядеть человеком, бывавшим на дне, достал волшебную визитку и набрал номер:

– Работаем?

– Круглосуточно.

– Нас трое, примете в гости?

– Мастер один, подождать придется. Шифруются. Понятно.

– Так мы втроем к одному сразу, – весело пошутил организатор разгула – и вся троица села в такси.

«Шиномонтаж» находился в фешенебельных трущобах Петроградской стороны. Промзона позапрошлого века, плавно переходящая в дома пониженной комфортности. В таких местах русским днем страшно, а уж итальянцам, да еще ночью... Они даже из такси выходить отказались поначалу. Но водитель тоже не очень хотел задерживаться в столь недружелюбном месте, и в итоге троица боязливо вошла в железный бокс.

– Андрей, ты уверен, что мы ТУДА пришли?

Неуверенный Андрей уверенно заявил, что в России все бордели выглядят именно так в целях конспирации.

Тут стоит отметить, что было Андрею 23, и в публичных домах он до этого не бывал. Но история про мои журналистские похождения до него докатилась, поэтому он и обратился ко мне за советом. То есть он не знал, может ли бордель начинаться с «Шиномонтажа», как театр с вешалки.

Подойдя к единственному в коробке человеку, Андрей проговорил:

– Нам бы отдохнуть...

Мастер отвлекся от своих железяк, озадаченно посмотрел на посетителя, на глупо улыбающихся итальянцев, подумал и решил уточнить:

– Мне бы тоже. Вы чего хотите?

– Ну ... хотим поменять деньги на секс. Нам сказали, с вами этот вопрос решить можно, – Андрей подмигнул и похотливо улыбнулся.

– Я тебе, сука, сейчас домкрат в жопу запихаю! Развелось, блять, пидарасов!

Андрей получил легкий удар в живот и тычок в челюсть.

Итальянцы немедленно сбежали, потеряв интерес к российским борделям навсегда.

– Мужик, ты чего?! Нам сказали, тут салон с проститутками! У меня визитка есть! – Завопил горе-экскурсовод.

Мужик посмотрел на визитку и пнул Андрея еще раз.

– Ты что, дебил? Тут же «Шиномонтаж» написано!

– Мне сказали, это для конспирации!

Мастер подобрел и даже засмеялся.

– Для чего? Тебя кто развел так?

Далее гуру покрышек разъяснил Андрею расположение домов терпимости в данном микрорайоне, налил сто граммов в качестве моральной компенсации и проехался по трусливым итальянцам, бросившим товарища.

А еще через десять минут СМС «Я убью тебя» полетело из «Шиномонтажа» в нашу квартиру. Вслед за СМС полетел оттуда и Андрей. Иностранцев поблизости видно не было.

Более того, в округе не было видно никого. Вдалеке светилось что-то, похожее на бензоколонку. Дезертиры ожидаемо оказались там. Красивые, модные, обосравшиеся. Обь-

яснить произошедшее Андрей не мог, поэтому многозначительно сказал: «Извините, парни, это Россия».

Поиски любви кончились, гости были отвезены в отель.

На следующий день итальянцы пожаловались начальнику Андрея, что тот притащил всех в бандитский притон, где русская мафия их чуть не убила, и бросил там одних. Перед итальянцами извинились и подарили по банке икры. Домой они вернулись героями. Через третьи руки до Андрея дошла их интерпретация событий уже со стрельбой и победой итальянцев над десятками бывших спецназовцев.

Наш же товарищ надолго обрел славу специалиста по публичным домам и месяц с нами не разговаривал. Нечего было выслуживаться и пытаться быть тем, кем не являешься.

Свадебное насилие

«Цыпкин, мне пиздец. Я ночью ударил Катю, но не очень помню, за что и как, хотя это уже не важно. Она плачет и говорит, что не может выйти из номера с подбитым глазом. Ее папа меня убьет, ты же его видел».

Такой звонок я получил из гостиничного номера, в котором мой друг проводил свою брачную ночь. Утро после свадьбы и без этого тяжелое испытание, а тут просто кошмар. Но обо всем по порядку.

Гена жениться не собирался – ни на Кате, ни в принципе. Он был из интеллигентной петербургской семьи. Все ученые, некоторые указаны в энциклопедии. Бабушка, разумеется, еврейка. Небогатые.

Катя приехала в Петербург из Рязани. В семье все военные, даже домашние животные. Папа, разумеется, бывший десантник. Богатые.

Гена увидел фотографию папы утром после, так сказать, незащищенного соития и сразу всё понял. Бабушка учила Гену смотреть в родословную до первого свидания, ведь никогда не знаешь, чем оно может закончиться, но Гена бабушку не слушал.

В итоге Катя вдруг стала беременна. Девушке повезло с семьей отца ребенка. Они были люди глубоко порядочные и жениться Гену обязали, правда, Катю в полноценные род-

ственники приняли не сразу. Эта дихотомия, кстати, довела до развода не одну разноклассовую пару, так как ощущать себя женщиной второго сорта, которая неожиданно свалилась на обожаемого сына или внука, – удовольствие сомнительное. Особенно если из зоопарка тебя вроде бы выпустили, но относятся всё равно как к говорящей барсучихе. А если еще есть различия в материальном статусе и представители интеллигенции значительно беднее, положение девушки иногда становится совершенно невыносимым: она виновата и в том, что недостаточно изысканна, и в том, что слишком богата.

Но всё это были возможные детали будущего. В настоящем нужно было решать вопрос со свадьбой. При подсчете количества гостей выяснилось, что силы совершенно неравны. Интеллигенция выставила на поле двенадцать человек, в основном травмированных и с низкой мотивацией. Пролетариат с купечеством – аж пятьдесят девять, собранных со всей страны, из которых двадцати четырех Катя никогда не видела, а двадцати трех никогда не хотела бы видеть. Все они рвались в бой, точнее, в Петербург на свадьбу «нашей Катеньки» с человеком, чей прадедушка упомянут в Большой советской энциклопедии. Практически же «говорящая собачка», надо же посмотреть, потрогать, не говоря уже о проверке его на прочность, о которой мечтали друзья отца по ВДВ. Родственники Гены, понятное дело, никого вообще не хотели видеть и особенно слышать.

Расходы на этот «товарищеский матч» взяла на себя команда гостей.

Свадьбу можно описать одним словом – похороны. Это слово отображало выражение лиц команды жениха, его самого и невесты. Хотелось похоронить и ведущего, и музыкантов, и поваров. О поводе собрания забыли так же быстро, как забывают на поминках о покойнике, когда в траурный день начинаются чуть ли не пьяные танцы гостей с разных сторон усопшего. Через два часа после начала «судья» утратил контроль над «игрой» и был удален с «поля». Началась русская свадьба, бессмысленная и... бессмысленная.

Дядя невесты, прибывший из Ростова-на-Дону, начал пить еще в Ростове-на-Дону и так преуспел в этом занятии, что забыл о своей жене, хотя забыть о таком объемном грузе было сложно, и пытался пригласить на медленный танец Генину маму, которая вмерзла в стул. Дядю это ничуть не смутило, и он поднял ее вместе с ним. Под бурные аплодисменты кубанский казак покружил стул с полумертвой преподавательницей филфака по зале и уронил обоих практически в торт.

Конкурсы были настолько глупы и абсурдны, что даже неизбалованные анимацией гости из-под Рязани (были из Рязани, а были из-под) их освистали и предложили всем начать носить своих спутниц вместе со стульями по примеру ростовского товарища. В итоге – визг, крик и поломанная мебель.

Катина мама, женщина простая, но добрая и чрезвычайно воспитанная, подсела за стол к Генкиным родителям и обнадежила: «Вы потерпите, пожалуйста, я всё понимаю». Потом пошла траурная процессия с ненужными подарками и нужными конвертами, затем реквием – тьфу, – танец под песню «Потому что нельзя быть на свете красивой такой» и наконец кидание венков в толпу потенциальных невест.

Оскорбленная поступком мужа жена ростовского танцора сказала, что тоже будет ловить венки, и, придавив парочку незамужних девиц, заполучила-таки пропуск в следующий брак.

Один из гостей подошел к Генкиной бабушке с какими-то несуразными комплиментами и закончил всё восхитительной фразой: «Ведь есть же и среди евреев хорошие люди».

После этого бабушка поделилась со мной опасением: «Мда, жениться – полбеда, важно, как потом разводиться. А здесь, боюсь, если что, миром не получится». Друзья Катиного отца посадили меня с женихом за стол и стали заливать водку в наши тщедушные тела, параллельно обучая жениха хитростям семейной жизни. «Генка, ты, главное, бабу не распускай! И запомни – от хорошего леща еще никто не умирал. Нет, конечно, бить женщину нельзя, но леща прописать можно!» – учил жизни моего друга человек с запястьем размером с Генкину голову. Свадьба гремела на весь отель, я пытался затащить в заранее снятый номер одинокую подружку невесты, но она оказалась девушкой с принципами, и за-

тащить мне удалось лишь бутылку виски. С ней я и заснул.

Утром меня разбудил озвученный, упомянутый выше звонок.

«Саня, делать, делать-то что?! Я, главное, не понимаю, за что я ее так. Мы же сразу заснули почти, когда я успел? И ты же меня знаешь, я муху не обижу, а Катька, она такая нежная. Господи, как я мог...»

«А Катя не помнит?»

«Да она вообще до сих пор только мычать может, убралась в полный салат, хотя, как в зеркало посмотрела, протрезвела немного. Но, когда я ее ударил, не помнит, говорит только, папа меня убьет, и что она не думала, что я в принципе способен поднять руку на женщину. Я тоже так не думал».

Отмечу, что Генка среди нас был самый приличный. Ко всем, даже самым мимолетным, знакомым он относился как к лучшим подругам, всегда провожал домой, искренне заботился, говорил о девичьих проблемах часами, если от него этого хотели. В общем, мы стыдились себя в лучах Генкиной добродетельности. А тут избить жену. Хотя один раз я видел, как у него слетает голова с катушек, и тогда он был страшен. Отмечу: и тот случай произошел при участии алкоголя.

Тем не менее проблему надо было решать. Голова у меня разрывалась, и я попросил в roomservice принести мне бутылку пива. Пришедший официант спросил:

«Невеста-то как, жива? Досталось ей вчера...»

Я поперхнулся. «В смысле?»

Оказалось, что моя жажда пива спасла ячейку общества и лично новоиспеченного мужа. Гена с Катей, точнее с телом Кати, пошли спать в свой номер. В это же время официант roomservice нес заказ в соседнюю комнату и увидел следующую картину. Невеста, больше напоминавшая свернутый ковер, была прислонена к стене, а Гена пытался вставить карточку в щель замка. Когда это удалось, он открыл дверь в номер, взял Катю на руки, как обычно это делает прекрасный принц, и попытался внести невесту в дом. Болтающиеся ноги невесты бились при этом о левый косяк двери, а безжизненная голова – о правый. Гена был так накачан водкой, что мог оценить только одно событие: Катя в дверь не входила, а вот почему это происходило, он не понимал и поэтому пытался ее так внести раза три (последний почти с разбегу), пока официант его не остановил. Гена его послал, но послушал и затащил невесту бочком. Я позвонил Гене и всё рассказал, затем схватил официанта в охапку и пошел искать Катиного папу. Он был найден на завтраке трезвым, бодрым и чисто выбритым. Только при мне бывший военный выпил почти 0,7. Да. Вот это закалка! Послушав трагическую историю, он кратко и без лишних эмоций всё расставил по местам: «Почит в темных очках неделю, и всего делов, а муж молодец, хотел традицию соблюсти».

Вечером молодожены улетели в путешествие. На всех фотографиях Катя была в огромных солнечных очках, про насилье в семье больше никто не узнал. Они, кстати, так и не

развелись. Более того, бабушка взяла на себя роль профессора, и через год Дулиттл было не узнать. Сдружились даже отцы, за исключением одного разногласия. Тщедушный Генкин папа просит отдать внука в рязанское училище ВДВ, а десантник лоббирует СПбГУ. Каждый вымещает свои комплексы на детях как умеет.

Р. S. И еще немного про Генкину семью. На момент свадьбы Катя уже не была беременна – не сложилось в тот раз, к сожалению. Она переживала, боялась, что ей не поверят, подумают, что она в принципе это всё придумала, или что жених отзовет предложение, но воспитание есть воспитание. Когда Гена сообщил своим о проблеме, бабушка спокойно сказала:

– Уверена, на твои планы относительно женитьбы это не повлияет. Не позвать замуж беременную девушку – трусость, а вот отказаться от потерявшей ребенка – уже предательство. Данте оставил для таких последний круг. Я тебе не советую.

– Бабушка, я и без Данте понимаю, что можно, а что нельзя.

Как Ясир Арафат меня спас

Папа включает на даче канализацию.

Я (рьяно): «Помочь?»

Он (скептически): «В настройке канализации пиарить нечего, листья сгребай и грабли не сломай!»

В 1991 году, вместо того чтобы как все школьники сидеть на даче и ждать путча, я был отправлен в Детский исправительный лагерь в Израиль. В смысле, я поехал к папе на каникулы. Это была моя первая поездка за рубеж. Мечтаний было много, а денег мало, как у всех с серпасто-молоткастым паспортом.

Увидев на первой же израильской бензоколонке жвачку Juicy Fruit и банки Coca Cola в неограниченном количестве, я впал в экзальтацию и тут же потратил почти все выданные мне в России 20 или 30 долларов. Многим не понять, но я хранил подаренную мне за пару лет до этого банку кока-колы, наливал туда пепси и катался по Ленинграду на трамвае, собирая завистливые взгляды окружающих. В конце концов группа невского пролетариата отобрала у меня и банку, и имевшиеся с собой деньги. Я страдал и ностальгировал по куску крашеной жести целый год, а тут их сотни.

В общем, деньги кончились, а жизнь только началась. Папа, осознав мое психическое расстройство, давал деньги

только на музеи, и скоро я стал ощущать себя героем известного анекдота про еврейского мальчика: «Первый день русский, а уже вас, жидов, ненавижу».

Я потребовал с отца «репараций и контрибуций». Папа поступил по шедевральной парадигме «дадим обездоленным не рыбу, а удочку». Евгений Михайлович, даром что врач, решил приобщить меня к коммерции, а заодно выгнать из дому, в котором я почти круглосуточно ел и смотрел телевизор. Он купил сумку-холодильник на колесиках, двадцать бутылочек кока-колы (особый цинизм, зная о моей страсти к этому бренду) и послал меня продавать ее на улицы Иерусалима.

В Израиле чуть ли не ежедневно теракты. Мне 14 лет. Отцу 33. Вот ведь воля у человека!

Первый день прошел успешно. Я вышел во двор, сел на скамеечку и начал «грозить» Веселому Поселку (мой родной район в Питере), попивая кока-колу у себя в квартале. Так сказать, пошла амортизация основных средств. Раз в час я лениво булькал прохожим: «Кока-кола кара» (холодная кока-кола). К концу дня я выпил десять бутылок, а продал две. Уставший, но довольный пионер прибыл домой. Папа произвел расчет и сказал, что теперь я должен ему 18 шекелей. Антисемитизм начал пускать корни в моей неокрепшей душе. Я решил, что потомок благородной русской фамилии не будет барыжить на этих кровососов, и сказал, что у меня недомогание. И тут папа, что называется, ударил в пах.

– Кстати, хочу тебя с дочкой наших друзей познакомить, вот фотография. Пригласи ее в кино.

Девочка была не такой симпатичной, как модели в каталоге Quelle, страницы с женским бельем которого составляли основу моей жизнерадостности. Но гораздо лучше большинства моих одноклассниц, которые обращали внимание на тощего и локально прыщавого интеллигента.

– Она ждет приглашения в пятницу, и у тебя есть три дня, чтобы вернуть мне долг и заработать на билет. Или я скажу ей, чтобы она тебе билет купила.

«Ничего... попроси у меня в старости воды», – подумалось мне. Папа внимательно посмотрел в мои глаза и решил на всякий случай родить еще двух детей. Теперь у меня сестры. Очень рассчитываю на них в вопросах воды для папы и себя.

В девять утра следующего дня, надев кепку, очки и взяв для себя воду, я вышел на охоту. Я был неудержим. Вокзал и музеи, синагоги и кладбища. Одинокие полицейские и бабушки. Группа военных и хасидов. Я продавал сладкий лимонад всем и везде. Меня любили и прогоняли. Я понял, что вода идет лучше и продал собственную. Домой шел пешком, чтобы сэкономить на автобусе. Алчность обуяла меня, но я помнил: «Не заходи в Восточный Иерусалим».

В школе я вел политинформацию и знал, что израильтяне аннексировали Крым – тьфу, Палестину: вежливо туда зашли, но референдум не сложился.

В общем, в Восточном Иерусалиме жили палестинцы, евреев они не очень ценили. Попасть туда было легко. Более того, часть еврейских районов находилась за палестинскими, автобус пролетал их особенно быстро. Периодически в автобус кидали камнями. Иногда случались трагедии. Маму папиного друга зарезали прямо на улице. Уехала из беспокойной России...

Судьба.

Но в подростковом возрасте опасность воспринимается по-другому, биологически организм знает, что жить еще долго, и поэтому не боится смерти. Я был из довольно робкого десятка, но иногда терял всякую осторожность.

В итоге я оказался со своим холодильником в Восточном Иерусалиме. Случайно. Я, правда, не хотел. Просто заблудился. Народу резко поубавилось, прохожие были одеты странно, и еще более странно на меня смотрели. Мне стало страшно. А выхода особо не было. Я носился с долбаным холодильником, как Миронов по Стамбулу в «Бриллиантовой руке».

Смеркалось. «Евреи, где вы?! Вернитесь, я всё прощу.

Господи, помоги мне». Господь помог.

Два араба с мрачными лицами шли по переулку мне навстречу. Я уже тогда понимал, что стану гуру пиара, потому что придумывать отмазы умел как никто. Тем не менее врать о национальности своего отца не собирался. Я вам не Павлик Морозов. Но ведь не нужно сразу кричать, что у меня папа

еврей. Можно просто увести дискуссию в иное русло. Врут бездарности. Таланты находят нужную правду.

Арабы ожидаемо меня остановили: на улице никого, в стране как-никак война. Это вам не про мобильные скорости на ТВ сказку за сказкой рассказывать.

Что-то спросили на иврите – было понятно, что я с другой стороны.

– Языками не владею, ваше благородие, – смысл фразы был чуть иной, но лицо сияло как у Якина.

– Ты кто? – Террористы сносно говорили по-английски.

– Александр, – имя не еврейское, плюс 1 балл. – А вы?

Пауза. Не ожидали. Представились. Я долго и крепко жал каждому руку. Переглянулись.

– Ты что здесь делаешь, придурок?

– Кока-колой торгую, хотите, вам продам со скидкой? – глупо хихикнул я.

Торговое предложение отклика не нашло.

– Ты хоть знаешь, где находишься?

– В оккупированном Израилем Восточном Иерусалиме, – 100 % правда, смотри резолюцию ООН.

Арабы подвисли, но их взгляды смягчились.

– А ты сам-то откуда?

– Я приехал из Советского Союза на заработки во время каникул, – 100 % правда.

Нахмурились. Тот, что моложе, встал слева.

«Бежать теперь некуда. Черт, надо было раньше делать но-

ги, но тогда бы точно спалился».

– А деньги тебе зачем? – Именно так обычно начинала разговор ленинградская шпана.

– Сводить девушку в кино и купить маме цветной телевизор, – 100 % правда, мы жили бедно, и дома был черно-белый квадрат.

– А мама в России живет?

«Уфф, клюнули! Ща должны спросить, кто она по национальности, уже проще будет».

– Да, у меня родители врачи, а врачам в СССР мало платят, хочу маму на старости лет порадовать. – Кроме старости (маме 33), всё остальное – чистая правда, плюс я в одной фразе упомянул маму и отца. Таким образом, складывается впечатление, что отец у меня тоже бедный врач в СССР, обычный «пиарный» прием.

– А мама русская? – развязка близка.

– Конечно! – с искренним возмущением сказал я.

Ждать, пока они спросят про отца, я не стал.

– Она, конечно, переживает, что я здесь, но знает, что я работаю на честных и порядочных евреев (100 % правда) и уверена, что мне заплатят. А вы как думаете? Заплатят?

Араб проникся:

– Как повезет, но я бы взял вперед. Я сам на стройке пахал месяц, и ни хрена. А на кого ты рабо...

– А вы не могли бы меня с Ясиром Арафатом познакомиться? – нанес я упреждающий удар по выдвинувшимся к

Курской дуге немецким войскам.

Мозг арабов застыл, они напомнили мне роботов с планеты Шелезяка. Даже моргать перестали. «Надо добивать».

– Это же герой палестинского сопротивления, я про него в школе рассказывал на уроках (100 % правда). Если не возьму автограф, учитель расстроится, – 100 % правда. Учитель военного дела так и сказал.

Я смахнул слезу. Роботы начали приходить в себя.

– Да, это наш герой, и мы рады, что есть в мире люди, которые понимают нашу борьбу. Расскажи всем в своей школе, что мы будем бороться и дальше! Пойдем. – Один из арабов крепко взял меня за плечо, и мы пошли.

«Если мы идем к Ясиру Арафату, мне пиздец. Переиграл...»

Через пару кварталов, когда холод в моем животе превратился в вакуум, они вывели меня на относительно многолюдную улицу, ткнули пальцем в сторону израильских полицейских и сказали на прощание:

– Не заходи сюда больше, наш советский друг.

Только тут я обратил внимание, что они худы, бедно одеты, а во взгляде какая-то простая усталая теплота. Обычные люди, как мой отец и его друзья в то время. Не врачи, не так образованны. Не там родились, не вовремя. Надеюсь, им не пришлось никого убивать и их самих не убили.

P. S. Девушка мне не дала. Телевизор я маме купил.

Святой Валерий

Миша Карасев по кличке Карась жил небогато и увлекался спиртосодержащими напитками. Другими словами, он медленно спивался и быстро вываливался из очень средненького класса в бедность. Занимался этими двумя делами Карась в засранной, но своей квартире. Разного рода черные риелторы пытались его выселить, но им не повезло. Карась уже почти подписал какие-то документы, по которым при хорошем раскладе он очутился бы в Тверской области, а при плохом – в морге, но встретил на улице старого приятеля, разболтался, поведал о своих новых заботливых друзьях, благодаря которым наконец исполнится его мечта о переезде на природу. Друг работал в милиции, и на природу переехали риелторы, причем сразу на несколько лет. Отжав у гораздо более, как им казалось, защищенных граждан куда более ценные активы, они не могли поверить, что сели всем коллективом из-за какого-то алкаша и его собачьей конуры. Но в этом суть России – ты воруеть регионами, убиваешь десятками, а потом наступаешь в троллейбусе бабушке на ногу, не извиняешься и получаешь пожизненное. Не только потому, что у бабушки внук волшебник, а просто невезучий ты и пришел твой срок. Это единственная форма справедливости, эффективно работающая в нашей стране. Все другие системы дают сбой после года эксплуатации.

Собственное жилище Карася притягивало соучастников попойки, как распродажи – модниц. Весь цвет районного дна знал о хорошей квартире Миши, где не водилось нечистой силы, равно как и чистой посуды, но зато всегда был свободный, пусть и грязный пол. А что еще нужно духовному человеку для праздника и отдыха. В описываемый день Карасю нанес визит Валера Шапкин, человек множественных нереализованных талантов. Работал Шапкин сторожем на продуктовом складе, хотя стеречь этот склад если и надо было от кого, так от сторожа. Так или иначе, за закуску на банкетах Карася отвечал именно Шапкин. И в этот раз он прибыл с консервированной свининой из стратегических запасов Родины. Водки у Карася немного осталось, и друзья решили отметить... двенадцатый день весны.

– Первая весенняя дюжина, Карась, нельзя не отметить такой важный день для измученных зимой тружеников.

Валера был неплохо образован и фантастически начитан, так как ничего, кроме этого, он последнее время в жизни не делал, поэтому речь его была наполнена лингвистическим мусором, иногда, правда, достаточно оригинальным и образным.

– Согласен! Только всё не допивай, оставь на второй тост. – В голосе Карася звучали нотки раскаяния.

Шапкин забасил:

– А что, у тебя более нет чем запивать мою некошерную закуску?

– Водка кончилась, сам грущу.

– Как же мы довели себя до такого бедственного положения? Надо это срочно исправить!

– Денег тоже нет.

– Это прискорбно. Предлагаю... помолиться кому-нибудь.

– Кому? – Столь прогрессивная мысль Карасю в голову не приходила.

– Хороший вопрос. Надо какому-то неординарному святому, не загруженному массовыми запросами пользователей.

Карась хихикнул.

– Святой – это все-таки не ЖЭК.

Шапкин ответил с упреком и значительностью:

– Если всё сделано по образу и подобию, то, уверен, очереди есть и на небесах. Давай попросим о содействии... ну, к примеру, святого Валерия. Это мой покровитель.

– Кого?! Ты про такого где прочел?

– Я сейчас предположил, что он есть, а согласишься, Карась, рассчитывать, что я дожил до своих лет без сильной протекции сверху, несколько наивно. Итак, святой Валерий, я и друг мой Карась просим тебя помочь двумястами граммами спирта, можно в форме водки.

– Валера, а святой Валерий нам деньги вышлет или водка из крана потечет?

– Сейчас увидим. Давай подождем. Не может нас бросить

мой святой в такой день.

Прошло минут двадцать. Святой Валерий, очевидно, не соби́рался помогать. Обычный Валерий пошел в туалет.

– Карась, тебя, похоже, тут немного заливают. В ванной с потолка капает.

– Только этого не хватало. Сосед говорил, что он чего-то там ремонтировал по сантехнике. Надо подставить что-нибудь. Сейчас принесу.

Карась достал небольшую кастрюльку и пошел в ванную. Ровно посередине потолка висела капля, потом она сорвалась и плюхнулась на остатки кафельного пола. Карась разместил эмалированную посудину в нужном месте, собрался уходить, но вдруг остановился. Начал принюхиваться.

Валера это заметил.

– Карась, ты чего, как собака, носом водишь?

– Да мне уже везде водка мерещится.

– Да-да, это на нас с потолка водка полилась. Святой Валерий слышал наши молитвы, я же говорил.

– Нет, ну правда, спиртом пахнет.

В этот момент новая капля влетела в металл. Карась провел пальцем по дну кастрюли, потом понюхал палец, лизнул его и рухнул на пол.

– Валера, вызывай дурку! Всё! Я ебанулся!

– Карась, ты чего?

– Мне и правда кажется, что с потолка водка капает. Мне врач говорил, что галлюцинации будут, сказал, если что, сра-

зу психиатрическую вызывать. Вот. Началось!

Карась чуть не плакал.

– Карась, ну ты чего... Ну показалось тебе, так с любым может случиться, мне и без пьянки иногда такое привидится, что хоть романы пиши потом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.